А.И. Минаев

БРИТАНСКИЙ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПЫТ И РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Анализируется один из «внешних» факторов эволюции российского абсолютизма. Во второй половине XVIII — начале XIX века в России проявился очевидный интерес к политической системе Великобритании, вызванный потребностью модернизации правовых основ абсолютной монархии, придания ей черт передовых европейских государственно-правовых структур.

Движение российской государственности от деспотического абсолютизма Петра I к «правовому» предполагало учет многих внутри- и внешнеполитических факторов. Внимание к британскому парламентаризму, исключавшее его слепое копирование, способствовало выяснению основных принципов и методов построения новой монархии.

Великобритания, Россия, парламентаризм, абсолютная монархия, конституция, представительство, разделение властей.

Интерес к внутриполитическим делам Великобритании будущая российская императрица Екатерина II (1762–1796) проявляла еще до восшествия на престол. Об этом красноречиво свидетельствует переписка Великой княгини Екатерины Алексеевны и посла сэра Чарльза Г. Уильямса, которая имела место в 1756–1757 годах.

В целях конспирации Екатерина писала свои письма к Ч.Г. Уильямсу от лица мужского пола, но сохранилось одно, с ее подписью, в котором она прямо говорит: «Я смотрю на английскую нацию как на ту, союз с которой самый естественный и самый полезный для России» ⁷². Естественно, что в условиях активной интриги вокруг российского престола, Екатерина, делая первые шаги на поприще реальной политики, допускала некоторую скоропалительность своих суждений. Однако, по нашему мнению, ее пристальное внимание к Великобритании уже в те годы неоспоримо, что свидетельствует о понимании того места, которая занимала эта страна в системе международных отношений. Ee неподдельный интерес вызывали внутриполитическая Великобритании, та государственно-правовая система, «визитной карточкой» которой был британский парламент. «...Позвольте мне, - писала она своему корреспонденту в декабре 1756 года, - начать с поздравления вас ввиду высокой

⁷² Екатерина II. Переписка Великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Γ . Уильямса 1756 и 1757 гг. М., 1909. (Тип. Γ . Лисснера и Д. Собко). – XXXII. – С. 399

мудрости, которая царствует в речах вашего короля при открытии парламента. Я задолго ничего не читал, что меня столь поразило. Да хранит его Бог и да поможет его величеству. Столько же уважения, которое я имею к его личности, сколько расположения к вашей стране производит во мне это желание. <...> Если вы здоровы и у вас есть время, сообщите мне, пожалуйста, о кризисах, которые бывают у вас. Дают ли перемены, которые совершились там, надежду на то, что все пойдет хорошо в наступающем году? Скажите мне несколько слов об этом господине Питте, противник во всем двору теперь во главе управления» ⁷³.

Весьма примечательным представляется последнее замечание Великой княгини, в котором она демонстрирует свое удивление по поводу того, что лидер оппозиции в палате общин стал фактическим главой кабинета. Подобный уровень плюрализма в высшем эшелоне российского самодержавия был совершенно невозможен, что обусловливалось принципиальными отличиями в политической культуре обеих стран.

Взойдя на российский престол, Екатерина II продолжала живо интересоваться теорией и практикой британского парламентаризма. Речь не шла о возможном переносе государственно-правовых установлений Великобритании на отечественную почву. Британский внутриполитический опыт, достижения правовой мысли этой страны содействовали формированию интеллектуального багажа императрицы, помогали выработать представления о перспективах развития российской государственности.

обращение Екатерина II сама инициировала отечественных интеллектуалов к политическим процессам, происходившим на Туманном Альбионе. В начале XX века в научный оборот был введен до того неизвестный ее труд «Выписки из шести томов Блэкстона, толкователя английских законов». В августе 1776 года императрица писала своему агенту за границей барону Гримму, что уже в течение двух лет не разлучается с этим сочинением. «Я ничего не делаю из того, что у него в книге, - подчеркивала она, - но это для меня пряжа, которую я размотаю по-своему» ⁷⁴. Внимание Екатерины II к труду профессора права в Оксфорде «Истолкование английских законов» вполне объяснимо. У. Блэкстон, раскрывая механизм функционирования британского парламентаризма, подчеркивал, что ключевым элементом этой сложной системы остается корона, которая обеспечивает эффективное взаимодействие властных структур всех уровней. Замечание, адресованное Гримму, показывает, что Екатерина II не стремилась к некритическому использованию многовекового опыта британского государственного строительства. В труде Блэкстона она нашла для себя мотивацию идеи господства права при сохранении прерогативы

Екатерина II. Переписка Великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уильямса 1756 и 1757 гг. С. 304–305.

Цит. по: Кологривов С.Н. Новонайденный труд Екатерины Великой // Русский архив. 1908 . № 6. С. 169.

монарха, что было необходимо ей для конструирования правовой базы российского абсолютизма.

Таким образом, Екатерина II задавала тон в изучении британской государственно-правовой системы, инициировала обращение российских интеллектуалов второй половины XVIII века к политическим процессам, происходившим

в Англии. Важнейшими объектами для наблюдений и политических дискуссий становились парламентский механизм и избирательное право.

Если взгляд императрицы на британский парламентаризм был взглядом заинтересованного, но все же стороннего наблюдателя и аналитика, то княгиня Е.Р. Дашкова (1744—1810) имела прекрасную возможность изучить эту политическую систему, проведя несколько лет, в 1770-е годы, за границей. Довольно долго княгиня жила

в Эдинбурге, где установила тесные связи с политическими, научными и литературными кругами шотландской столицы. Идеал политического устройства Е.Р. Дашкова нашла в Великобритании. В «Путешествии одной российской знатной госпожи по некоторым Аглинским провинциям», увидевшем свет в 1775 году, она писала: «Англия мне более других государств понравилась. Правление их... превосходит все усильственные опыты других народов в подобных предприятиях» 75.

Оригинальным мыслителем эпохи Екатерины II был С.Е. Десницкий (ок. 1740 – 1789). В 1761-1767 годах он изучал юриспруденцию, естественные и гуманитарные науки в университете города Глазго и в 1767 году получил от ученого совета этого университета степень доктора гражданского и церковного права. Годы обучения в Великобритании сделали С.Е. Десницкого поклонником британской политической и правовой системы, что не исключало критики им ее «Удивительный и непостигаемый ниже премудрейшим законодательством аглинским, - писал Десницкий в своих комментариях к переводу труда У. Блэкстона, - примечается здесь обман, чинимый при выборе членов парламентских, а именно: провинциальный большой помещик, имеющий обширные в разных провинциях землевладения, может не только сам выбран быть, но с со-бою и других премногих по сердцу своему выбрать в члены парламентские, распродавши ложным образом во всех провинциях свои землевладения на сорок шиллингов, или на 10 руб., каждому желающему дать на него свой голос...» 76 .

С.Е. Десницкий вслед за У. Блэкстоном и другими британскими юристами и политиками отмечал, что парламент не является подлинным народным представительством по причине широкой возможности подкупа избирателей:

Десницкий С.Е. Из примечаний к переводу книги Блэкстона «Истолкование английских законов» // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века. М.: Юридическая литература, 1959. С. 262–263.

-

Дашкова Е.Р. Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым Аглинским провинциям // «Я берег покидал туманный Альбиона...». Русские писатели об Англии. 1646–1945. М.: РОССПЭН, 2001. С. 31.

«Сие-то самое злоупотребление разумеет и г. Блэкстон, когда... желает совершеннейшего представления в парламенте народа аглинского» 77 .

Свою лепту в ознакомление российской политической элиты второй половины XVIII века с особенностями британского парламентаризма внес и выдающийся отечественный просветитель Н.И. Новиков (1744–1818). Именно им был издан в Москве в 1780–1782 годах переводенный С.Е. Десницким на русский язык труд У. Блэкстона. Книга вышла под заголовком «Истолкование англинских законов».

С 1784 по 1806 год обязанности полномочного министра в Лондоне исполнял крупный русский дипломат, сторонник активного сближения России и Великобритании, С.Р. Воронцов (1744—1832). Страстный поклонник британской политической системы, он оставил свои рассуждения о механизме ее функционирования. В частности, в письме от 3 марта 1797 года графу А.А. Безбородко (1747—1799), фактически руководившему с 1783 года российской внешней политикой, обосновывая сохранение численности штата посольства в Лондоне, писал: «...Ваше сиятельство, мне поверьте, когда я вас уверяю, что менее четырех человек при здешней канцелярии иметь не можно без остановки исправной службы. Здешняя миссия никак не похожа на прочие, ибо образ здешнего правления, совсем от других отличаясь; дела не идут как в других землях.

и министерство не могут ничего сделать без обеих камор парламента, в коих всегда бывают разные фракции, а и парламент не так независим в своих действиях, как думают те, кои не знают совершенно Англию, ибо парламент сам весьма зависим от расположения мыслей нации, которая во всех важных делах весьма действует над поведением обеих камор» ⁷⁸. Понятно стремление чиновника не допустить понижения статуса, руководимого им учреждения за границей. Вместе с тем мы, пожалуй, впервые обнаруживаем констатацию неразрывной связи парламента с общественным мнением страны, изучение является важнейшим фактором успешного выполнения дипломатической миссии. «Для соображения всего, что делается, - писал С.Р. Воронцов, - и для предвидения, что впредь здесь сделано быть может, надобно неотменно читать и делать переводы и выписки из всех многочисленных ежедневных газет, журналов и брошюров, кои разные фракции в обоих каморах и в самой нации внутри земли каждый день обнародывают, так что все четыре человека, при моей канцелярии находящиеся, беспрерывно упражнены чтением...» Свои впечатления общения с У. Питтом Младшим С.Р. Воронцов изложил в посвященной этому записке 80.

⁷⁷ Там же. С. 263.

 $^{^{78}}$ Письма графа С.Р. Воронцова к графу А.А. Безбородко // Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 16. С. 246.

Там же.

³аписка графа С.Р. Воронцова о жизни и деятельности английского министра Пита Младшего // Архив князя Воронцова. Кн. 15. С. 453–480.

Порой ознакомление с политической действительностью, жизнью и традициями британцев приобретало весьма курьезный характер. Так, летом 1795 года майор в отставке П.И. Макаров отправился в Лондон без знания английского языка, средств и рекомендательных писем, прошел пешком часть Англии и оставил весьма ценные наблюдения. Его записки были опубликованы впервые в 1803 году в журнале «Московский Меркурий», а на следующий год в «Вестнике Европы». «Хозяин мой – человек приятный... – писал П.И. Макаров, – хотя Г. Перкс мало похож на обыкновенного англичанина, однако же держит сторону оппозиции

и вопиет на правительство. Правду сказать, лишнее было бы требовать от англичанина в этом случае равнодушия: здесь политика такая заразительная болезнь, что даже иностранцы, приехавшие сюда, тотчас ею занемогают» ⁸¹.

По сути, рядового россиянина поразил характер взаимоотношений между частным лицом и британским государством, которые самым выгодным образом отличались от российской действительности. Правоспособность британского подданного, и даже иностранца на территории королевства, не шла ни в какое сравнение с беззащитностью россиянина перед всевластием бюрократии. «Здесь, — писал П.И. Макаров, — правительство гораздо учтивее частных людей: оно принимает всякого иностранца как гостя, как доброго человека; не делает ему никаких допросов, не оскорбляет его никаким подозрением. Приехавший в Англию должен явить свой пашпорт один раз в портовом городе, после чего он может объехать все государство и прожить в нем десять или двадцать лет под именем, каким хочет. У ворот лондонских никого не останавливают, не спрашивают; трактирщики и вообще хозяева отдаточных комнат не любопытствуют знать, кто платит им за квартиру. Эта нежность правительства, и еще в такое время, когда государство должно остерегаться шпионства и возмущений, делает честь лондонской полиции; боятся только слабые» 82.

Вторая половина XVIII века прошла в России под знаком создания правовой базы абсолютизма, что стало развитием теории регулярного государства, которой руководствовался Петр І. Важнейшим средством достижения поставленной цели стала политика просвещенного абсолютизма Екатерины ІІ. «С точки зрения конечной цели, – отмечает Н.А. Омельченко, – политика просвещенного абсолютизма призвана была преодолеть порожденный модернизацией социальный конфликт внутри традиционного общества. При этом считалось, что основным инструментом, разрешавшим этот конфликт, должна стать законодательная деятельность просвещенных монархов. Этот основополагающий принцип просвещенного абсолютизма строился на убеждении, что общество можно совершенствовать, не меняя характера его

Там же. С. 138.

⁸¹ Макаров П.И. Письма из Лондона // «Я берег покидал туманный Альбиона...». С. 133.

политического строя с помощью совершенной системы законодательства и эффективной, рационально организованной системы управления» ⁸³.

Екатерина II творчески перерабатывала зарубежный опыт государственного строительства. Если у Петра I в силу методов и темпов его преобразований мы часто встречаем прямой «плагиат», то у Екатерины превалирует вдумчивое «конструирование» собственной модели на накопленном в Европе теоретическом государственно-правовом фундаменте. В этой связи принципиально важным и значимым становилось ее обращение к общим принципам взаимодействия государства и права, в оформлении которых немаловажную роль сыграл британский парламентаризм, с его теорией и многовековой практикой.

«Реформы Екатерины, таким образом, — заключает А.Б. Каменский, — были попыткой реализации в России либеральной модели развития, направленной на развитие гражданского общества, правового государства. Вопрос, однако, в том, была ли такая модель в принципе реализуема в конкретных исторических условиях России второй половины XVIII в.? Ответ, судя по всему, должен быть отрицательным, ибо реализовать ее можно было, только уничтожив крепостничество. С этой точки зрения программа екатерининских преобразований была во многом утопичной» 84.

По мнению американского историка М. Раева, которое справедливо разделяет А.Б. Каменский, Екатерина II «...оставила Россию с более крепкой правовой и институциональной основой, с более рациональным, а следовательно, более эффективным аппаратом и, что, возможно, важнее всего, с элементами корпоративного самоуправления высших классов и с идеей управляемого социального и экономического развития, направляемого наиболее динамичными и добившимися успеха членами реорганизованных сословий» ⁸⁵. Корпоративное самоуправление структурировало корпоративные интересы, которые рано или поздно должны были стать и стали основой представительства.

Проводя столь глубокую государственно-правовую реконструкцию, Екатерина II обоснованно обращалась к теории и опыту британского парламентаризма, фокусировала на нем внимание своих современников-интеллектуалов.

Британский внутриполитический процесс находил освещение в ранних отечественных периодических изданиях и, в первую очередь, на страницах литературно-политического журнала «Вестник Европы». Его основателем, издателем в 1802–1803 годах и автором многих публикаций являлся крупнейший отечественный мыслитель, историк, писатель, один из

^{§5} Там же. С. 471.

_

 ⁸³ Омельченко Н.А. История государственного управления в России. М.: Гардарики, 2008. С. 198.
 ⁸⁴ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 1999. С. 469.

основоположников русского консерватизма Николай Михайлович Карамзин (1766—1826). «Вестник Европы» был задуман Карамзиным как «журнал для всей русской публики» с тем, чтобы «помогать нравственному образованию такого великого и сильного народа, как российский, развивать идеи, указывать новые красоты в жизни, питать душу моральными удовольствиями и сливать ее в сладких чувствах со благом других людей» ⁸⁶.

Издание быстро завоевывало читательскую аудиторию. Уже к середине января 1802 года «Вестник Европы» имел 580 подписчиков. Вскоре их число возросло до 1200, что представляло весьма внушительную цифру для России начала XIX века 87 . Журнал превращался в серьезный фактор формирования умонастроений образованной части россиян.

Задолго до начала своей издательской деятельности летом 1790 года Н.М. Карамзин побывал в Великобритании. «Учение о человеке, идеи парламентаризма, – подчеркивает Н.В. Минаева, – нашедшие приложение в общественных системах ряда стран Западной Европы, – этот круг проблем, тесно связанный с идеологией Просвещения, привлекает пристальное внимание Карамзина в ранних его сочинениях» ⁸⁸. Через несколько лет были изданы выдержки из его английского дневника

с описанием прибытия в Дувр и поездки в Лондон. В начале XIX века «Письма русского путешественника» были переведены на английский язык целиком, что свидетельствовало об интересе читающих британцев к восприятию их страны в лалекой России.

В 90-е годы XVIII века Н.М. Карамзин оставался в целом на западнических, во многом космополитических, позициях. «Карамзин, – отмечает Н.В. Минаева, – всесторонне осмысливал тему народа, рассматривал народоправство как одну из его сторон. Считая справедливым участие представителей демократии европейского общества в управлении страной, осуждая в «Письмах русского путешественника» олигархические режимы аристократии, он не высказывался с полной определенностью в пользу той или другой формы политического правления в посещаемых странах» ⁸⁹. Очевидно, эти настроения стали необходимым этапом формирования его мировоззрения. «Я в Англии – в той земле, – писал он, – которую в ребячестве своем любил я с таким жаром и которая по характеру жителей и степени народного просвещения есть, конечно, одно из

⁸⁶ Вестник Европы. 1802. № 1.

⁸⁷ История русской журналистики XVIII—XIX веков. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. С. 190.

⁸⁸ Минаева Н.В. Европейский легитимизм и эволюция политических представлений

Н.М. Карамзина // История СССР. 1982. № 5. С. 152.

⁹ Там же. С. 153.

первых государств Европы» ⁹⁰. Н.М. Карамзин отмечал значение личной свободы и неприкосновенности для англичан, как важнейших ценностей и основ их государственного строя. «Англичане боятся строгой полиции и лучше хотят быть обкрадены, нежели видеть везде караулы, пикеты и жить в городе, как в лагере» ⁹¹.

Важнейшим инструментом британской государственности является парламент, отношение к которому у Н.М. Карамзина было неоднозначным. С одной стороны, он не мог не видеть его важной роли в британском государстве: «Англичанин царствует в парламенте и на бирже: в первом дает он законы самому себе, а на второй — целому торговому миру» ⁹². С другой стороны, для него парламент лишь элемент хорошо отлаженной государственной машины, которая не дает сбоев еще и потому, что общественное мнение находит частичное выражение в нижней палате. Парламент — это своего рода «клапан», через который можно выпустить «пар» политической борьбы. Делясь своими впечатлениями от посещения палаты общин, Карамзин писал: «Едва ли 50 человек говорят когда-нибудь; все прочие немы; иные, может быть, и глухи — но дела идут своим порядком, и хорошо. Умные министры правят, умная публика смотрит и судит. Член может говорить в парламенте все, что ему годно; по закону он не дает ответа» ⁹³.

Безусловно, нарисованная Карамзиным картина внутриполитической идиллии не соответствует реальным социально-политическим процессам, которые имели место в Великобритании в конце XVIII века. Стороннему наблюдателю весьма умеренных воззрений, трудно было понять всю их противоречивость, но несуразности избирательной системы были очевидны и для него.

Н.М. Карамзин иронично описал «процедуры» выборов в Вестминстере. Агитация за кандидатов принимала характер откровенного подкупа. «Вестминстер избирает двух членов. Министры желали лорда Гуда, а противники их Фокса; более не было кандидатов. Накануне избрания угощались безденежно в двух тавернах те вестминстерские жители, которые имеют голос: в одной подчивали министры, а в другой приятели Фоксовы» ⁹⁴. Далее Н.М. Карамзин привел отрывок из обличительной речи Горна Тука, который выставил свою кандидатуру на выборах: «... Сограждане! Истинная английская свобода у нас давно уже не в моде; но я человек старинный и люблю отечество по-старинному. Вам говорят, что нынешний день есть торжество гражданских прав ваших; но пользуетесь ли вы ими, когда вам предлагают из двух кандидатов выбрать двух членов? Они

 $^{^{90}}$ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // «Я берег покидал туманный Альбиона...». С. 68.

Там же. С. 102.

⁹² Там же. С. 85.

⁹³ Там же. С. 115.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 99–100.

уже выбраны! Министры с противниками согласились и над вами шутят» ⁹⁵. Даже для иностранца был очевиден весь фарс этих выборов.

Сложившиеся у Н.М. Карамзина представления о Великобритании, ее внутриполитическом быте оказали существенное влияние на характер материалов, посвященных событиям в этой стране и опубликованных в «Вестнике Европы» в 1802–1803 годах. По нашему мнению, этим публикациям присущи некоторые общие черты.

Прежде всего, чувствуется почтение к многовековому зданию британской государственности, прочно стоящему на фундаменте парламентаризма. В то же время на страницах издания подвергаются критике многие инородные, порой просто непонятные, институты, их воплощение в реальной политической практике. Не осталось незамеченным журналом уважительное отношение британцев к основам своей государственности, что, по всей видимости, было особенно важно для «Вестника Европы» рассматриваемого периода, поскольку одной из важнейших его задач являлось гражданское и правовое просвещение россиян, приобщение их к политической жизни.

В одном из первых номеров подчеркивалось исключительное значение Славной революции, ставшей важнейшим этапом в становлении британского парламентаризма, способствовавшей установлению паритета в верхних эшелонах власти. «...В 1688 г., - отмечал автор статьи «О силе Англии» Архенгольц, опубликованной в № 7 за 1802 год, – случилась благодетельная революция без всякого кровопролития, и когда англичане, тогда еще во многом основали общественную свободу гораздо несведущие, благоразумнее, нежели сто лет после французы, просвещенные духом времени и творениями великих писателей. Сей не мечом, но мирным условием приобретенной Конституции, достойной самого мудрейшего века... Британцы обязаны всем своим новым могуществом» ⁹⁶. Британский вариант развития, целью которого являлось достижение компромисса между различными политическими силами, для автора был предпочтительнее революционных потрясений во Франции конца XVIII века. Более того, он полагал, что дальнейшее стабильное развитие Великобритании в XVIII веке во многом было обеспечено эффективной парламентской системой. обеспечивавшей взаимодействие короны, лордов и общин. «Причину великих успехов Англии в течение ста лет найдем без сомнения в ее законах, мудрых учреждениях, государственных правилах, оживлявших деятельность народа...» 97

Раздел журнала «Известия и замечания», оперативно освещавший события как в России, так и за рубежом, вел сам Н.М. Карамзин, поэтому можно предположить, что нижеследующие оценки выборов в палату общин, состоявшихся

в 1802 году, принадлежат непосредственно ему. «Теперь вся Англия занимается

⁹⁵ Там же. С. 100.

⁹⁶ Вестник Европы. 1802. № 7.

⁹⁷ Там же.

выборами новых парламентских членов... Но сии выборы можно назвать только обрядом: министры невидимо управляют ими, соглашаясь... с лучшими людьми в каждом округе» ⁹⁸. Для Н.М. Карамзина было совершенно очевидным вмешательство кабинета в избирательный процесс, что мешало формированию такого депутатского корпуса палаты общин, который действительно отражал бы интересы немногочисленного электората.

Пережитком феодализма оставались «гнилые» и «карманные местечки», обеспечивавшие аристократии доступ в нижнюю палату посредством подкупа малочисленных избирателей. Этот устаревший институт британского избирательного права Н.М. Карамзин критиковал и одновременно объяснял его жизнеспособность. «Но не чудно ли покажется, - задавался он вопросом, - что какое-нибудь маленькое местечко в Англии имеет иногда в рассуждении выборов более прав, нежели большой город? Питт, будучи некогда противником министерства, требовал нового, справедливого учреждения в деле, столь важном для свободы народной; но после, сделавшись министром, он нашел выгоды в старинном положении: ибо гораздо легче склонить на свою сторону жителей небольшого местечка, нежели граждан многолюдного города. В старину какойнибудь сильный человек выходил право избрания своему поместью, чтобы располагать а теперь оно принадлежит этому селению... Например, недавно продали в

а теперь оно принадлежит этому селению... Например, недавно продали в Англии десятину земли с двумя ветхими хижинами за 420 000 рублей, ибо хозяин их имеет право назначать депутата для парламента» ⁹⁹.

Подводя итог выборам 1802 года, Н.М. Карамзин подчеркивал то, что благодаря существованию многих феодальных институтов и норм избирательного права, позволяющих воздействовать на малочисленный избирательный корпус, аристократическая политическая элита Великобритании сохранила контроль над нижней палатой. «В Англии, — писал он, — шумные выборы почти все кончились и все именитые члены бывшего парламента выбраны. Некоторым стоила эта честь дорого: например, Френсис Бордет издержал около 300 000 рублей на пиры и подарки, чтобы иметь удовольствие от времени до времени употреблять пышные фразы и бранить министров в парламенте...» 100

Еще одним средством информирования читателей о политической жизни Великобритании стала публикация переведенных на русский язык материалов из популярных британских периодических изданий. В одном из номеров за 1803 год были помещены извлечения из лондонского журнала «The Sun», который характеризовал расстановку сил в британском парламенте. «Издавна, — отмечалось в журнале, — парламент делился на две стороны: на друзей и врагов министерства, а теперь видим множество партий» ¹⁰¹.

⁹⁸ Там же. № 13.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Вестник Европы. № 16.

Там же. 1803. № 5.

«Вестник Европы», редактируемый Н.М. Карамзиным, стремился знакомить соотечественников с европейским политическим процессом, что в немалой степени выражалось в освещении британской внутриполитической жизни, оказывал несомненное содействие приобщению передовых соотечественников к основам политико-правовой культуры.

В правление Александра I (1801–1825) впервые делаются попытки соединить теорию парламентаризма с российской государственной практикой. «Но когда же придет и мой черед, – писал цесаревич в 1797 году, – тогда нужно будет стараться... образовать народное представительство, которое, должным образом руководимое, составило бы свободную конституцию (constitution libre), после чего моя власть совершенно прекратилась бы и я, если Провидение благословит нашу работу, удалился бы в какой-нибудь уголок и жил бы там счастливый и довольный, видя процветание своего отечества и наслаждаясь им» 102

В силу традиционности отечественной самодержавно-абсолютистской политико-правовой культуры, большая часть планируемых нововведений так и не была реализована. Однако внимание к зарубежному, и в первую очередь британскому, парламентаризму, безусловно, возрастало и приобретало до некоторой степени практическую направленность.

Разрабатывая свой проект государственных преобразований в России, к британскому опыту внутриполитической эволюции неоднократно обращался Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839). «...На развалинах первой феодальной системы, — писал он, анализируя историю государственно-правовых форм стран Европы, — утвердилась вторая, которую можно назвать феодальным самодержавием: в ней остались еще следы первых установлений, но сила их совершенно изменилась. Правление было еще самовластное, но не раздельное. Ни политической, ни гражданской свободы еще не было, но в той и другой положены уже были основания.

И на сих-то основаниях время, просвещение и промышленность предприняли воздвигнуть новый вещей порядок, и приметить должно, что, невзирая на все разнообразие их действия, первоначальная мысль, движущая их, была одна и та же – достижение политической свободы.

Таким образом, приуготовился третий переход от феодального правления к республиканскому, основался третий период политического состояния государств.

Англия первая открыла сей новый круг вещей; за нею последовали другие государства: Швейцария, Голландия, Швеция, Венгрия, Соединенные Американские области и, наконец, Франция» 103 .

Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов / В.И. Коваленко. Михаил Михайлович Сперанский // Вестник Моск. ун-та. Сер.12. Политические науки. 1999. \mathbb{N}_2 6. С. 95–96.

Александр І. Письмо Ф. Лагарпу // Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии : сб. документов. М. : Гардарики, 2000. С. 168.

Мы не видим противоречия в том, что выдающийся государственный деятель России ставил Англию на первое место в перечне «республиканских» стран. Дело в том, что для него чрезвычайно важным было развитие политической свободы. В этом аспекте, действительно, Англия шла впереди. Сохранявшаяся монархия становилась институтом парламентаризма, который в свою очередь был базой, средством и целью утверждения политической свободы. Монархическая «форма» сочеталась с республиканской «сущностью». Этот процесс, безусловно, протекал в острейшей социально-политической борьбе, но вектор эволюционного развития британской государственности по направлению к буржуазной демократии в целом определился к началу Нового времени.

Как известно, основополагающим принципом эффективного функционирования государства М.М. Сперанский полагал разделение властей. Британский опыт и в этом вопросе был для него чрезвычайно важен. «Если бы Англия, – писал он, – не имела других пределов своего правительства, кроме видимого властей ее разделения, она была бы государство деспотическое со всеми своими парламентами и их славными спорами» ¹⁰⁴.

В правление Александра I конституционные вопросы развития России вновь стали весьма актуальны. «Отживающий феодально-крепостнический мир с его патримониальным правом, покорностью Богу, царю и помещику, – подчеркивает Н.В. Минаева, – вступал во все большее противоречие с нарождающимися буржуазными элементами в духовной жизни, с такими понятиями буржуазного права, как представительное правление, политическая свобода, незыблемость закона, общественное мнение, буржуазная частная собственность» 105.

Стране была необходима эффективная, соответствующая европейским стандартам система, которая смогла бы управлять страной в условиях глубокого кризиса феодально-крепостнических отношений. «Можно предположить, — справедливо отмечает Н.А. Омельченко, — что под понятием «конституция» Александр I и его окружение понимали необходимость создания в России современной системы власти и управления, построенной на прочных основаниях закона и свободной от произвола. Такой подход вполне вписывается в разделяемую этими людьми концепцию «истинной монархии» и в целом отвечал общему для того времени настроению утверждения в государственном управлении принципов просвещенного абсолютизма, ставивших власть в рамки установленных норм и правил» 106

Сперанский М.М. О внешнем образе правления // Руководство к познанию законов. СПб. : Наука, 2002. С. 230.

Минаева Н.В. Правительственный конституционализм в России после 1813 г. // Вопросы истории. 1981. № 7. С. 32.

Омельченко Н.А. История государственного управления в России. С. 227.

Можно выделить четыре основные задачи 107 , решение которых было положено в основу реформаторской деятельности Александра I в начале его правления:

- 1) осуществление кодификации законов;
- 2) введение твердого порядка обсуждения, принятия и отмены законов;
- 3) установление действенного контроля над государственным аппаратом и создание в стране подзаконной бюрократии;
 - 4) создание в России современной и эффективной системы администрации.

«Конкретный план реформирования системы государственного управления, – отмечает современный исследователь, – предусматривал преобразования, следствием которых было бы не только предотвращение деспотических черт

в действиях монарха, но и возможность эволюции самодержавной власти в сторону конституционной монархии, монархии буржуазного типа» 108 .

Как было сказано выше, М.М. Сперанский в своих теоретических построениях самое пристальное внимание уделил британскому парламентаризму

и механизму его функционирования. Явные параллели просматриваются в его представлениях об организации законодательной власти и ее взаимодействии с исполнительной. В плане М.М. Сперанского Государственная дума представляется в виде учреждения, имеющего общие черты с европейскими парламентами. Она должна была собираться один раз в год, в сентябре. Верховная власть могла отсрочить созыв Думы на один год, уволить ее членов, назначить новые выборы. Исполнительная власть была представлена в проекте министерствами, губернскими и окружными учреждениями. Особое место отводилось Государственному совету. Он должен был, по мысли Сперанского, объединить действия императора с учреждениями, представлявшими все ветви власти законодательную, исполнительную И судебную. Члены Как отмечает С.В. Государственного совета назначались императором. Мироненко, совет «...становился, таким образом, своеобразной палатой лордов, где происходит первоначальное обсуждение важнейших государственных дел»

Ошибкой М.М. Сперанского, по нашему мнению, являлось достаточно узкое понимание парламентаризма, под которым, по большому счету, он понимал лишь представительство, встроенное в государственную систему, покоящуюся на разделении властей. На самом деле представительство лишь венчает собой парламентаризм, в основании которого находятся гражданские свободы, мощное общественное мнение, система политических партий

 $^{108}\,$ Ананьич Б.В. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М. : Олма-пресс, 2006. С. 196.

XIX в. М.: Наука, 1989. С. 32.

¹⁰⁷ Там же. С. 228.

¹⁰⁹ Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале

(классическая двухпартийная, как в Великобритании) и т.д. «Реализация плана Сперанского, – отмечает А.Б. Каменский, – должна была превратить Россию в конституционную монархию, где власть, по существу, была бы ограничена двухпалатным законодательным органом парламентского типа, состоящим из Государственной думы и Государственного совета. Некоторые историки считают возможным говорить о пе-реходе в результате осуществления этого плана к «буржуазной монархии». Однако, даже если и пользоваться этим не слишком проясненным понятием, очевидно, что при сохранении сословной организации общества и, тем более, крепостного права, подобное было невозможно» 110.

Настроение той части дворянства, которая выступала против реформ, нашло отражение в составленной в 1810—1811 годах Н.М. Карамзиным записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» ¹¹¹. Обосновывая необходимость сохранения старых порядков, издавна существовавших в России, автор возражал против заимствования западноевропейских правовых и политических норм. Аргументируя свою позицию, Н.М. Карамзин коснулся и Великобритании. «Как живописцы, – писал он, – изображают монарха? Воином и с мечом в руке, не пастушком и не с цветами. В России не будет правосудия, если государь, поручив оное судилищам, не будет смотреть за судьями. У нас не Англия; мы столько веков видели Судию в Монархе и добрую волю его признавали высшим Уставом» ¹¹².

Повышенный интерес к западноевропейскому парламентаризму проявился во время конституционного обустройства Финляндии (1809) и Польши (1815). В этой связи, на наш взгляд, следует подчеркнуть три момента. Во-первых, конституции даровались территориям, на которых уже не было крепостного права, что повышало легитимность местных представительных учреждений. Вовторых, локальные парламентские модели воспринимались либерально настроенными кругами в России, как своего рода «экспериментальные площадки» общенационального представительства. В-третьих, наличие «конституционных включений» в некоторой степени приближало Россию к парламентарной Европе.

По мнению А.Н. Медушевского, «...вершиной попыток правительственного конституционализма первой четверти XIX в., а в известном смысле и всех вообще попыток такой политической реформы до начала XX в.» ¹¹³ стала «Государственная уставная грамота Российской империи» (1820). Составители ее проекта Н.Н. Новосильцев (1768–1838) и П.А. Вяземский (1792–

¹¹⁰ Каменский А.Б. Альтернативные модели преобразования административной системы

в первой половине XIX в. / Представительная власть в России. История и современность. М. : РОССПЭН, 2004. С. 145.

См.: Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М: Наука, 1991.

¹¹² Там же. С. 102.

¹¹³ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1988. С. 317.

1878), по мнению Е.А. Скрипилева 114, наряду с другими источниками, использовали в своей работе переведенный И. Татищевым в 1806 году на русский язык трактат об английской конституции теоретика конституционного права женевца Г. Де-Лолма 115. При создании важнейшего документа отечественного правительственного конституционализма первой четверти XIX века мы вновь видим «британский след», «Принцип защиты свободы личности, подчеркивает Н.В. Минаева, - заимствован авторами Грамоты из классического английского правового свода «Habeas corpus act» – основы буржуазного законодательства, принятого в Англии в 1660-х гг. при Карле II Стюарте. <...> Включение в уставную грамоту статей, защищающих свободу личности и гарантирующих права гражданства, отражало стремление к установлению в России буржуазного правопорядка» 116

Н.А. Омельченко подчеркивает, что в начале XIX века в стране сложилась весьма благоприятная социально-политическая ситуация для преобразований. «Отличительной чертой начального этапа реформаторской деятельности Александра I, – пишет он, – следует считать наличие определенного консенсуса, который в первые годы правления нового императора установился между властью, передовым обществом и просвещенной бюрократией. На почве осознания необходимости перемен

в характере политического строя и методах управления государством, что во многом обеспечило относительный успех начатых преобразований. Нарушение этого консенсуса (восстание декабристов 1825 г.) стало исторической трагедией России: отсюда берет начало глубокий раскол между обществом и государством, способствовавший отчуждению общества от власти и в конечном счете предопределивший крушение российской государственности в 1917 г.» ¹¹⁷.

Однако достигнутый консенсус не был использован властью. Как говорилось выше, под конституцией Александр I, видимо, понимал современную и эффективную систему управления, опиравшуюся на развитую законодательную базу. Авторы же многочисленных конституционных проектов, используя европейский опыт, шли дальше и конструировали такие схемы государственной власти, которые всякий раз предполагали ограничение абсолютной монархии. Несмотря на локальные конституционные эксперименты, власть осталась тверда в своем намерении управлять страной единодержавно.

Движение российской государственности от деспотического абсолютизма Петра I к «правовому» предполагало учет многих внутри- и

¹¹⁴ Скрипилев Е.А. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. (из истории правительственного конституциоанлизма) // Советское государство и право. 1980. № 7. С. 102.

115 Де-Лолм Г. Конституция Англии, или Состояние английского правления, сравненнного

с республиканскою формою и другими европейскими монархиями. М., 1806. (Университет. тип.). Т. 1. 116 Минаева Н.В. Правительственный конституционализм в России после 1813 г. С. 38.

Омельченко Н.А. История государственного управления в России. С. 228.

внешнеполитических факторов. Внимание к британскому парламентаризму, исключавшее его слепое копирование, способствовало выяснению основных принципов и методов построения новой монархии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Архив князя Воронцова [Текст]. М., 1880. Кн. 15. 517 с. ; Кн. 16. 522 с.
- 2. Вестник Европы [Текст]. 1802–1803.
- 3. Ананьич, Б.В. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России [Текст] : моногр. М. : Олма-пресс, 2006. 734 с.
- 4. Дашкова, Е.Р. Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым Аглинским провинциям [Текст] // «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии. 1646–1945. М.: РОССПЭН, 2001. С. 31–44.
- 5. Де-Лолм, Г. Конституция Англии, или Состояние английского правления, сравненного с республиканскою формою и другими европейскими монархиями [Текст] / пер. с фр. И. Татищева. М., 1806. (Университет. тип.) Т. 1. 292 с.
- 6. Десницкий, С.Е. Из примечаний к переводу книги Блэкстона «Истолкование английских законов» [Текст] // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века. М. : Юридическая литература, 1959. С. 259–264.
- 7. Екатерина II. Переписка Великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уильямса 1756 и 1757 г. [Текст]. М., 1909. (Тип. Г. Лисснера и Д. Собко). XXXII. 360 с.
- 8. История русской журналистики XVIII–XIX веков [Текст]. СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2005.-600 с.
- 9. Каменский, А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа) [Текст] : моногр. М. : Изд-во РГГУ, 1999. 576 с.
- 10. Карамзин, Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях [Текст] : моногр. М. : Наука, 1991. 128 с.
- 11. Карамзин, Н.М. Письма русского путешественника [Текст] // «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии. 1646-1945.- М. : РОССПЭН, 2001.-С. 68-126.
- 12. Коваленко, В.И. Михаил Михайлович Сперанский [Текст] // Вестник Моск. унта. Сер. 12. Политические науки. 1999. № 6. С. 92–102.
- 13. Кологривов, С.Н. Новонайденный труд Екатерины Великой [Текст] // Русский архив. 1908. № 6. С. 169–177.
- 14. Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии [Текст] : сб. документов / А.В. Гоголевский, Б.Н. Ковалев. М. : Гардарики, 2000. 624 с.
- 15. Макаров, П.И. Письма из Лондона [Текст] // «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии. 1646-1945.- М.: РОССПЭН, 2001.- С. 127-140.
- 16. Медушевский, А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе [Текст] : моногр. М. : РОССПЭН, 1998.-665 с.
- 17. Минаева, Н.В. Европейский легитимизм и эволюция политических представлений Н.М. Карамзина [Текст] // История СССР. -1982. -№ 5. C. 150–159.

- 18. Минаева, Н.В. Правительственный конституционализм в России после 1813 г. [Текст] // Вопросы истории. 1981. № 7. С. 32-41.
- 19. Мироненко, С.В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. [Текст] : моногр. М. : Наука, 1989. 240 с.
- 20. Омельченко, Н.А. История государственного управления в России [Текст] : моногр. / Н.А. Омельченко, Е.П. Казбан М. : Гардарики, 2008. 476 с.
- 21. Представительная власть в России: история и современность [Текст]. М. : $POCC\Pi \ni H, 2004. 592$ с.
- 22. Скрипилев, Е.А. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. (из истории правительственного конституционализма) [Текст] // Советское государство и право. 1980. –
- 23. Сперанский, М.М. Руководство к познанию законов [Текст] : моногр. СПб. : Наука, $2002.-680~\mathrm{c}.$

A.I. Minayev

British Internal Political Experience and the Development of Russian Statehood in the Second Half of the 18th Century and at the Beginning of the 19th Century

The article analyzes one of the external factors of the evolution of Russian absolutism. In Russia the second half of the 18th century and the beginning of the 19th century witnessed an obvious interest to the political system of Great Britain, which was caused by the necessity to modernize the legal basis for absolute monarchy and to adopt the European standard. The development of Russian statehood was based on many intra- and inter-political factors. Following the path of British parliamentarism though not blindly coping it was the key to creating a new monarchy.

Great Britain, Russia, parliamentarism, absolute monarchy, constitution, diplomatic mission, separation of powers.